

УДК 329.11'13
329.3:23

Юрий Владимирович Василенко

кандидат философских наук,
старший научный сотрудник
Института философии и права УрО РАН
(Пермский филиал по исследованию
политических институтов и процессов)
г. Пермь. E-mail: yuvasil@yandex.ru

**РАННИЙ Х. ДОНОСО КОРТЕС (1820–1848 гг.):
СТАНОВЛЕНИЕ ТРАДИЦИОНАЛИСТА**

В статье дан анализ двух этапов идейно-ценностной эволюции выдающегося испанского традиционалиста Х. Доносо Кортеса: прогрессистский (1820–1836) и либерально-консервативный (1836–1848). Опираясь на методологические установки испанского историка-традиционалиста М. Менендеса-и-Пелайо и немецкого историка-позитивиста Э. Шрамма автор приводит аргументы в пользу традиционалистской интерпретации политико-идеологической идентичности Доносо как основополагающей для анализа его идей, взглядов и ценностей в ранний (дотрадиционалистский) период. Для достижения поставленной цели автор разводит традиционалистскую философско-мировоззренческую парадигму Доносо и его прогрессистскую и либерально-консервативную политико-идеологическую риторику. По мнению автора, первая лежит в основе последних. Интерпретируя раннего Доносо как в конечном счете традиционалиста, автор получает возможность показать сложный и противоречивый характер идейно-ценностных поисков испанских традиционалистов в условиях становящегося Нового либерально-буржуазного порядка.

Ключевые слова: Доносо Кортес, политико-идеологическая идентичность, политическая идеология, прогрессизм, либеральный консерватизм, традиционализм, Испания.

Выдающийся испанский журналист, дипломат, политик и политический философ маркиз де Вальдегамас Хуан Франсиско Мария де ла Салуд Доносо Кортес-и-Фернандес Канедо (1809–1853) прославился тем, что впервые после XVI–XVII вв. поднял политическую идеологию испанского традиционализма до высот политической философии общеевропейского масштаба.

Значимость Доносо для становления европейского традиционализма в целом подтверждается не только оценками выдающихся исследователей (так, российский историк-испанист Л.В. Пономарева, например, пишет: «Католическая апологетика Доносо сыграла огромную роль в развитии правой католической традиции, получившей от него соответствующее “оборудование” для противостояния современным учениям левых полити-

ческих сил» [4, с. 16]); но и обширнейшей европейской (в частности немецкой) историографией, посвященной различным аспектам его деятельности. В 1936 г. немецкий историк Э. Шрамм, впервые попытавшийся составить библиографию трудов, посвященных тому или иному аспекту наследия Доносо, привел названия 59 книг [38, р. 338-343]. Многочисленные свидетельства современников и классические жизнеописания (Л. Вейо, Х.М. Орти-и-Лара, Н. Пастор Диас, Х.Ф. Пачеко, Г. Техадо) дополняются множеством историко-политических и политико-теоретических исследований его политико-идеологического наследия (Асорин, М. Фернандес Альмагро, Х.М. де Коссио, Х.М. Пеман, Х. де Йангас Мессиа, Х. Пемартин, Л. Еулохио Паласиос, Ф. Элиас де Техада, А. Инсуа, В. Гутиеррес Масиас, П. де Лоренсо и многие др.) [29].

Общеввропейское звучание фигура Доносо приобрела благодаря работам немецкого философа-конституционалиста К. Шмитта [36], которого Ф. Суарес Вердегер называет «первооткрывателем» Доносо [41, р. 15]. Исследования Карла Шмитта, как он пишет, продемонстрировали не только его глубокое проникновение в эстремадурского дипломата, но и его огромную актуальность [40, р. 7]. Внимание немцев (А. Демпф, Г. Юречке, Д. Вестмайер) к фигуре теоретика диктатуры, каким Доносо вошел в историю политической философии, понятно. Непосредственное влияние Доносо на Шмитта становится очевидным уже из предисловия к первому изданию его «Диктатуры» (1921 г.). В нем говорится, что собственное государство в его целокупности «называется *диктатурой* потому, что является *инструментом перехода* к чаемому состоянию общественной жизни, а его *оправдание* составляет уже не просто политическая или даже позитивная конституционно-правовая, а *философско-историческая норма*. Благодаря этому диктатура... тоже становится *философско-исторической категорией*» (курсив – Ю.В.) [5, р. 15]. Благодаря Шмитту начинается так называемое «европейское возрождение Доносо», вышедшее ко второй половине XX в. далеко за рамки узкого политико-идеологического интереса к его фигуре. Сам Шмитт называет этот процесс «паневропейской интерпретацией» Доносо [35].

Доносо мог быть назван подлинным основоположником современного испанского традиционализма (современный испанский историк-позитивист П.К. Гонсалес Куэвас прямо называет его «эмблемой испанского традиционализма» [26, р. 188]), если бы не одно, на наш взгляд, существенное обстоятельство: «Его стиль, – пишет Шмитт об “Очерке”, главной работе Доносо [2, с. 89-314], – является по большей части антикварным, его метод не используется, а его аргументы были искажены и частично опровергнуты исторической эволюцией» [36, р. 140]. Пономарева вслед за Шмиттом называет работы позднего Доносо «политической теологией» [4, с. 7-17], в которой он «соединил богословие с политическим языком своего века» [4, с. 16]. Основоположник современного испанского либерального консерватизма М. Фрага Ирибарне не включает Доносо в свою работу об испанском консервативном

мышлении, отдавая предпочтение «великому социологу» Х.Л. Бальмесу-и-Урпия [22, р. 42-47].

Однако «проблема Доносо», как представляется, значительно шире. В 2010 г. современный испанский историк Масиас Лопес представил подробнейшую панораму ее интерпретаций [30]. Из анализа следовало, что в течение жизни Доносо проделал существенную идейно-ценностную эволюцию, отразив в своих идеях, взглядах и ценностях всю сложность переходного периода в Испании от Старого порядка к Новому. Вольно или невольно Масиас Лопес представил «проблему Доносо» как хроническую, поскольку еще в 1952 г. франкистский историк А. Лопес-Амо Марин [34, р. 360-361] в предисловии к четырем эссе Шмитта о Доносо написал по существу то же самое: если следовать оценкам различных авторов, он (Доносо – Ю.В.) был одновременно реакционером и прогрессистом, традиционалистом и либералом, умеренным либералом и жестким сторонником диктатуры, то есть был *набором противоречивых вещей* [36, р. 8].

Сам Шмитт в предисловии к своим эссе неосторожно свидетельствует, что в итоге *легко* продемонстрировать то, что в сущности Доносо Кортес был лишь *типичным либеральным консерваторм XIX в., который часто менял свою точку зрения* [36, р. 21]. Однако в самих эссе Шмитт изображает Доносо уже *последовательным традиционалистом* с элементами радикализма. Закрепляя данный подход, Фрага вслед за Шмиттом определяет Доносо вначале как «молодого либерала», а затем как «зрелого авторитариста» [22, р. 11]. И уже Гонсалес Куэвас, пытающийся типологизировать «амальгаму» испанской либерально-консервативной партии первой половины XIX в. («модерадос»), к которой Доносо формально принадлежал на протяжении большей части своей жизни, и остаться адекватным исторической реальности, разделяет Доносо на «первого» (раннего) и «последнего» (позднего) без уточнения, впрочем, конкретных временных границ [27, р. 96]. В итоге в европейской историографии закрепились представления о трех политико-идеологических идентичностях Доносо, еще в 1949 г. отлитых франкистским историком Элиасом де Техада в следующие формулировки: Доносо как экзальтированный либерал (прогрессист); Доносо как «полный искренности» традиционалист; и Доносо как «промежуточный, фальшивый и неискренний» либеральный консерватор («модерадос») [30].

В данном контексте наша задача – аргументировать протрадиционалистский (или в конечном счете традиционалистский) характер политико-идеологической идентичности Доносо на раннем (дотрадиционалистском) этапе эволюции его идей, взглядов и ценностей (вплоть до 1848 г.).

Наше определение ранних идей, взглядов и ценностей Доносо как в конечном счете традиционалистских основывается на тезисе выдающегося испанского традиционалиста М. Менендеса-и-Пелайо, который, по словам современного российского историка О.В. Журавлева (также назвавшего Доносо «апостолом традиционализма» [3, с. 5-88]), «почти не затрагивая

периода *либеральных иллюзий* Доносо, существенно не обогативших политическую теорию, ...полагал, что *реальный отклик* получили в Европе идеи Доносо-традиционалиста и продолжателя линии Бональда и де Местра» (курсив – Ю.В.) [3, с. 86]. Не ограничиваясь поздним (традиционалистским) этапом в развитии идей, взглядов и ценностей Доносо, мы лишь дополняем подход Менендеса-и-Пелайо собственными аргументами; тем более что испанский библиофил ограничился по большей части лишь эмоциональными оценками [38, р. 272].

К середине XX в. подход Менендеса-и-Пелайо был рационализирован, получив свое продолжение в работах выдающегося франкистского историка-традиционалиста, члена «Opus Dei» С. Галиндо Эрреро [23; 24; 25], и что особенно важно – ввиду нетрадиционалистской политико-идеологической идентичности ее автора – в трудах выдающегося мурсийского историка и юриста второй половины XX в. Р. Фернандес-Карвахалья, вышедшего в свое время из рядов «либерального фалангизма» [33, р. XXXIV]. В статьях, посвященных Доносо, Фернандес-Карвахаль пытается сделать акцент, как он говорит, на «константах Доносо» [21, р. 75-108]. К последним он относит тесную связь между *религиозной философией* и философией истории; поиск неких *мистических* сил и энергий, определяющих ход истории; и *последовательное недоверие* к рефлексии и абстрактному разуму [20, р. 171], то есть все то, что характеризует традиционалистские идеи, взгляды и ценности как таковые. Данные «константы», утверждает Фернандес-Карвахаль, всегда были присущи Доносо вне зависимости от того, какие более частные идеи, взгляды и ценности он исповедовал, более или менее *либеральные* или более или менее *традиционалистские* [20, р. 172].

Подход Фернандес-Карвахалья к политико-идеологическому наследию Доносо, на наш взгляд, несколько размывает, хотя и не снимает вовсе, тезис о его идейно-ценностной эволюции. Вместе с тем он является и своеобразным методологическим «фарватером» для анализа достаточно противоречивых и неоднозначных идей, взглядов и ценностей раннего Доносо. Все это в итоге позволяет показать всю сложность и противоречивый характер идейно-ценностных поисков испанских консерваторов, стремящихся не только определить свое место в испанской политической жизни в условиях становящегося Нового либерально-буржуазного порядка, но и определять ее развитие в соответствии с собственными идеями, взглядами и ценностями.

Частично подход Менендеса-и-Пелайо разделяет и один из основоположников немецкой историографии вопроса – историк-позитивист Эдмунд Шрамм, которого Суарес Вердегер называет автором до сих пор самой лучшей биографии Доносо [41, р. 18]. Свою первую работу о Доносо Шрамм написал еще в середине 1930-х гг. При этом что первое исследование Шрамма было ограничено в силу отсутствия ряда важных источников во многих своих аспектах, о чем автор неустанно предупреждает на первых же страницах своей книги [38, р. 11]. Ее выдающееся значение опреде-

лялось тем, что ряд концептуализаций идей, взглядов и ценностей Доносо, представленных немецким историком, оказались крайне удачными, благодаря чему они ложатся в основу множества уже современных интерпретаций. Для нас же концептуализации Шрамма ценны тем, что в 1936 г. он находился под влиянием Менендеса-и-Пелайо, говоря о *явно консервативных инстинктах*, от которых Доносо так *никогда* и не освободился» [38, р. 18]. Между тем оригинальное название книги Шрамма – «Доносо Кортес. Жизнь и труды испанского антилиберала» («Donoso Cortés. Leben und Werk eines spanischen Antiliberalen») – довольно недвусмысленно демонстрирует основной вывод автора относительно политико-идеологической идентичности Доносо.

Когда после второй мировой войны Шрамм изменит свою точку зрения и напишет, что Доносо защищает традицию своего народа, однако я считаю, что *называть его традиционалистом не должно* [37, р. 11], это будет связано в первую очередь с расширением исследовательской перспективы самого Шрамма: немецкий историк более тщательно займется изучением именно раннего Доносо. При этом название новой книги Шрамма – «Доносо как пример традиционалистского мышления», изданной к тому же в идеологически ориентированной серии «Или вперед, или смерть», будет говорить, скорее, об обратном. Так или иначе, колебания Шрамма лишь подтверждают релевантность поставленной нами проблемы.

Испанская историография второй половины XX в. шла вслед за немецкой. Как пишет ее основоположник Федерико Суарес Вердегер, Доносо с самого начала лучше всего понимали немцы, нежели испанцы [41, р. 17]. Выдающийся испанский историк-традиционалист, член «Opus Dei» [34, р. 605] целенаправленно занимался наследием Доносо с 1960-х гг. [40] и написал, пожалуй, самую в энциклопедическом смысле большую работу (1088 страниц) о его «жизни и трудах» [41]. Следуя в чем-то схоластической традиции, Суарес Вердегер обильно цитирует не только все малоизвестные работы Доносо, но и последовавшую на них реакцию современников и последующих аналитиков. Иногда Суарес Вердегер просто подводит под логику Шрамма обширнейший эмпирический материал. Благодаря Суаресу Вердегер мы также получаем непосредственный доступ к огромному количеству исторических источников самого разного плана, хотя в нашем распоряжении имеется и самый главный источник для анализа идей, взглядов и ценностей Доносо – классическое четырехтомное издание его работ, осуществленное его братом Мануэлем и учеником Орти-и-Лара в 1903–1904 гг. Масштаб и историографическое значение работы, проделанной Суаресом Вердегер, отодвигает всех остальных испанских исследователей политико-идеологической идентичности Доносо, включая признанных классиков (в частности его старшего современника Галиндо Эрреро), на второй план.

Оставляя за скобками бурную общественно-политическую деятельность Доносо (являющуюся предметом уже исторического исследования),

мы ограничимся лишь эволюцией его идей, взглядов и ценностей, составляющей непосредственный предмет нашего анализа. В соответствии со структурой политико-идеологического спектра, используемого нами для анализа эволюции политико-идеологических парадигм генетического периода в развитии политических идеологий в Испании, мы разделяем анализ идей, взглядов и ценностей Доносо на три этапа:

- прогрессистский, или радикально-либеральный (1820–1836);
- либерально-консервативный (1836–1848);
- традиционалистский (1848–1853).

Последний – (традиционалистский) этап в эволюции идей, взглядов и ценностей Доносо находится уже за рамками нашего исследования, поскольку традиционалистский характер политико-идеологической идентичности Доносо в эти годы никем сомнению не подвергается.

Необходимо оговориться, что данная периодизация носит весьма условный характер, поскольку исторически идейно-ценностная эволюция Доносо прямолинейной не была. Так, переходя постепенно в 1838–1842 гг. на позиции традиционализма, в 1843–1847 гг. Доносо, как пишет современный испанский историк Х. Олабаррия Агра, временно примиряется с либерализмом [12, р. 24]. При этом на прогрессистском этапе мы обнаруживаем элементы, определявшие либерально-консервативный этап, а на либерально-консервативном – элементы традиционалистского этапа. Однако существа вопроса это, на наш взгляд, принципиально не изменяет, поскольку, анализируя специфику первых двух этапов, мы, памятуя «константы» Доносо, также будем демонстрировать их внутреннюю взаимосвязь и преемственность с последним (традиционалистским).

1820–1836: Доносо – прогрессист. Совершенно уникальный факт: со времен Шрамма все серьезные исследователи идей, взглядов и ценностей Доносо начинают анализ его идейно-ценностной эволюции с 1820 г., когда нашему персонажу едва исполняется 11 лет, и он отправляется учиться в Саламанкский университет. В те годы, как пишет Шрамм, Саламанка предоставляла весьма радушный прием современным философским течениям, а с конца XVIII в. была центром философского материализма и политического радикализма [38, р. 21], за что и была закрыта Фернандо VII во время подавления «либерального трехлетия» (в 1823 г.) на один год. Именно с учебой в Саламанке современники Доносо (Техадо и Пачеко) связывают юношеский радикализм Доносо и его увлечение политической идеологией прогрессизма. Однако Шрамм считает их свидетельства «не выдерживающими критики» и «очень невероятными». Все, о чем мы можем говорить, считает немецкий историк, это о некотором ослаблении крепких до этого семейных уз, благодаря чему в его (Доносо – Ю.В.) душе первый контакт с доселе неизвестными ему интеллектуальными течениями выпился в юношескую и неопределенную страсть к *малопонятным ему политическим идеалам*, витающим в окружающей его атмосфере [38, р. 25].

Отрицая приверженность юного Доносо к прогрессизму, Шрамм одновременно не может отрицать того очевидного факта, что те самые

«крепкие семейные узы», на которые он так уповает в своей аргументации, говорят, скорее, в пользу Техадо и Пачеко. Так, в 1823 г. Доносо знакомится с выпускником Саламанки и другом своего отца-прогрессиста [12, р. 11; 41, р. 36-37, 49-50], – выдающимся испанским поэтом, революционером и государственным деятелем М.Х. Кинтаной (1772–1857), который в это время спасался от преследований со стороны Фернандо VII и поселился в глубокой провинции недалеко от семейного клана Доносо. Кинтана был в свое время близок к Г.М. де Ховельяносу, что позволяет некоторым исследователям не без оснований сомневаться в последовательности его прогрессизма. Однако, по консолидированному мнению всех исследователей, исключительное влияние на идеи, взгляды и ценности молодого Доносо оказывает именно Кинтана. От него Доносо заражается, по словам Галиндо Эрреро, «конституционными иллюзиями» [24] и начинает произносить речи, в которых славит эпоху Возрождения и Просвещения, не забывая, правда, отмечать и их «внутреннюю противоречивость» [3, с. 20-22]. Последнее говорит уже в пользу Шрамма, который опять-таки не может не признавать, что для молодого Доносо Кинтана точно был персонификацией *либеральной ориентации*, непосредственно вдохновляемой Энциклопедией, которую он знал наизусть; и был тем, кто боролся за *свободу, прогресс, культуру и толерантность* [38, р. 27]. Так или иначе, историографическое противостояние и борьба вокруг Доносо-прогрессиста начинается с самого начала его жизни; и в дальнейшем аргументы «за» и «против» только прибавляются.

После Саламанки Доносо отправляется учиться в университет Севильи на юридический факультет (1823–1828 гг.). Несмотря на то, что севильский период в жизни Доносо становится, по словам Шрамма, прежде всего «эстетическим» [38, р. 30], именно в это время Доносо начинает создавать сочинения, которые позволяют нам судить и об его политико-идеологической идентичности уже непосредственно.

Так, среди поэтических увлечений Доносо особого внимания для нашего анализа заслуживает его трагедия, посвященная лидеру движения «коммунерос» Хуану Падилье (XVI в.), не дошедшая до нас полностью. Значение этого произведения заключается в том, что оно ставит Доносо в контекст становящейся не прогрессистской, а либерально-консервативной политической идеологии. В 1814 г. аналогичную тему для утверждения идеалов свободы в Испании для своей трагедии («Вдова Падильи») выбирает Ф. Мартинес де ла Роса [39, р. 37], будущий лидер центристской фракции «модерадос».

Не менее важен и список авторов, изучаемых Доносо в это время, тем более что Доносо становится главой так называемой «Академии», своеобразного философского кружка Севильского университета, в который входили будущие парадигмальные фигуры испанского либерального консерватизма (Пачеко и Х. Браво Мурильо). Читая модные в то время в Европе труды М. Монтеня, Дж. Локка, А. Фергюсона, Ж.-Ж. Руссо, Воль-

тера, А.Л.Ж. де Сталь (мадам де Сталь), К.А. Гельвеция, Ш.Л. де Монтескье, Э.Б. де Кондильяка, А.Л.К. Дестюта де Траси, Ф.Р. де Шатобриана и Л.Г.А. Бональда [3, с. 16-19; 38, р. 44], Доносо, как пишет Шрамм, «преодолевают» их философские системы [38, р. 36], оттачивая свое критическое мышление, которое в дальнейшем позволит ему занять соответствующее положение в рядах политических идеологов «модератос» и испанского консерватизма в целом. Своеобразная неразборчивость в чтении говорит о том, что, обучаясь в Севильском университете, молодой Доносо все еще находится в стадии духовно-интеллектуального становления. Это, в свою очередь, не позволяет нам определять его политико-идеологическую идентичность на этом (прогрессистском) этапе как определенную.

В 1824 г. в 14-тилетнем возрасте Доносо пишет свой первый труд «Записки о всемирной истории», отмеченный историками его идей, взглядов и ценностей как заслуживающий серьезного анализа. Однако в классическое собрание сочинений 1903–1904 гг. эта работа включена не была. В ней, по словам Журавлева, «в зрелище революций, сменявших одна другую, Доносо пытался выявить обосновывающие их принципы, самую *их необходимость* как исторически новых явлений» (курсив – Ю.В.) [3, с. 19]. Можем ли мы из тезиса о необходимости революций делать вывод о прогрессистской политико-идеологической идентичности Доносо – это вопрос.

Первая поездка Доносо в Мадрид (1828 г.) сводит его с политическими кругами либеральных консерваторов, хотя приехал он в столицу по рекомендации Кинтаны. Однако закрепится в столице Доносо не смог. Вернувшись в Эстремадуру, он становится профессором в Гуманитарном колледже в Касересе, где произносит знаковую для определения его политико-идеологической идентичности речь [11, р. 3-35].

Говоря в негативном ключе о революции, которая спровоцировала падение Римской империи (что в будущем станет одной из его политико-идеологических «констант»), Доносо одновременно подвергает критике и «ужасный социальный режим: феодализм [38, р. 47-48]. И если первый тезис характерен для традиционалистов, то во втором проглядывается уже влияние либерализма, что сразу же позволяет нам определить политико-идеологическую идентичность молодого Доносо где-то между (в силу ее общей пока неустойчивости) этими политическими идеологиями, уподобить ее большинству «модератос», тем более что в их рядах он вскоре и оказывается. Анализируя речь Доносо, Шрамм делает из критики феодализма излишне поспешный вывод, утверждая, что феодальная система кажется ему отвратительной, потому что он смотрит на нее глазами идеалиста, который *симпатизирует* Революции [38, р. 49]. В действительности никакой симпатии к революции в речи Доносо не прочитывается, как максимум он пытается быть непредвзятым, и продолжение речи лишь подтверждает наш тезис.

Так, с одной стороны, мы видим положительные оценки исторической роли христианства; с другой, оно пока делает человека свободным.

Апологетики христианства, характерной для позднего Доносо, еще нет. Подчеркивая положительную для развития европейской культуры роль крестовых походов, Доносо сожалеет об упадке Возрождения, начавшемся в XVI в., в результате чего «философия сенсуализма» как провозвестник грядущих либерально-буржуазных революций порождает «волнения и дискуссии», «колебания и столкновения». В конце Доносо превозносит испанский театр, противопоставляя его французскому, поскольку разглядел в последнем склонность к революции [38, р. 48-49]. Доносо упорно не хочет отказываться от политической идентичности между либерализмом и традиционализмом, к чему в конечном итоге приходит и сам Шрамм, утверждая, что Доносо очень сильно полагается на *разум*, не переставая при этом указывать на важность *Христианства* [38, р. 50]. Именно «важность Христианства» (как одна из «констант» Доносо) не позволяет причислить его к лагерю прогрессистов, известных своими антиклерикальными и атеистическими идеями, взглядами и ценностями. Влияние Шатобриана (наравне с мадам де Сталь), обнаруженное Шраммом в речи Доносо [38, р. 49-50]. Это – еще одно тому доказательство.

Главным аргументом в пользу нашего тезиса является первая политико-идеологическая работа Доносо общенационального масштаба – «Памятная записка об актуальном положении монархии» [16, р. 39-52], представленная им Фернандо VII 13 октября 1832 г. Для нашего анализа важно не столько конкретно-фактическое содержание «Памятной записки» (тем более что, по мнению Журавлева, особой оригинальностью она не отличалась [3, с. 23-27]), сколько ее политико-идеологические оценки. Так, по словам Шрама, «В “Памятной записке” политическая позиция Доносо выражена со *всей очевидностью*. Он далек как от *карлистов*, так и от *фанатиков Французской революции*. Он не верит, что испанский народ, которому приписывает *инстинктивно буржуазно-консервативные чувства*, может серьезно симпатизировать Французской революции. Он, таким образом, не воспринимает серьезно *левых либералов* (прогрессистов). А конкретную опасность для государства он видит в подлинных революционерах – *карлистах*. При этом серьезно он воспринимает лишь *сторонников легитимной монархии* (то есть сторонников Фернандо VII и тактически поддерживающих его будущих “модератов”») [38, р. 60]. Когда Доносо призывает «спасать Монархию и Государство», для чего вновь созвать Кортесы, он выступает уже прямо с либерально-консервативных позиций, скрепляемых влиянием французских либеральных доктринеров. *Либерально-консервативная* деятельность автора, пишет Шрамм, становится очевидной там, где опираясь на Бенжамена Констана он *критикует демократию*, подчеркивая, что Монархия должна не только искать поддержку в низших социальных слоях, но и опираться прежде всего на *образованную буржуазию* и *бюрократию* [38, р. 60]. Либерально-консервативный характер «Памятной записки» признается и современными испанскими исследователями [12, р. 10].

Продолжая либерально-консервативную линию, Доносо между тем предлагает провести административные реформы, но одновременно при-

зывает и к «репрессиям против партийности». Это сразу же отбрасывает его вправо – в лагерь традиционалистов. По существу мы можем говорить о том, что уже на данном этапе происходит политико-идеологическое самоопределение Доносо – перспектива оказаться в рядах традиционалистского крыла «модератос» становится все более определенной. Крайне сомнительным поэтому выглядит и политико-идеологическое определение Доносо как прогрессиста. Обращение его к королю, прославившемуся своими традиционалистскими установками и реакционно-репрессивной политикой, также едва ли может стать аргументом в пользу его прогрессистской политико-идеологической идентичности. Масиас Лопес при этом уверен, что ко времени написания «Памятной записки» Доносо был уже *очень далек* от революционного либерализма (прогрессизма), с которым познакомился в годы своей учебы в Саламанке [30].

В 1834 г. либерально-консервативная политико-идеологическая идентичность Доносо получает свое формальное подтверждение. В журнале «Ла Абеха», где печатались будущие лидеры левой и правой фракций «модератос» (Пачеко и Браво, соответственно), Доносо публикует свои «Размышления о дипломатии и ее влиянии на политическое и общественное положение Европы после июльской революции и до договора, заключенного четырехсторонним альянсом» [8, р. 53-127], которые, по словам Шрамма, стали для Доносо *первым* написанным определенно изложением политического либерализма [38, р. 68].

Утверждая, что «мир управляется разумом», и это является «великим принципом нашей культуры», Доносо, казалось бы, позиционирует себя сторонником либерализма и последователем французских просветителей, что сразу же позволяет отнести его к лагерю испанских прогрессистов. Однако его социально-философские подходы существенно корректируются более частными политико-идеологическими оценками Кадисской Конституции. Как пишет Шрамм, Доносо свободно противопоставляет себя как тем, кто считают Кадисскую Конституцию совершеннейшей и единственным фундаментом любого политического обновления, так и тем, кто ее однозначно отрицает [38, р. 67]. Политико-идеологическая идентичность Доносо между либерализмом и традиционализмом становится очевидной. Утверждая закономерное появление Кадисской Конституции в социально-политических условиях Испании 1812 г., Доносо одновременно оправдывает и Фернандо VII, вернувшего себе бразды правления после возвращения из французского плена, поскольку новые обстоятельства требовали и новой Конституции. Однако ни народ, ни король так и не смогли пойти на взаимные уступки, результатом чего стало «либеральное трехлетие». В итоге восстановление Кадисской Конституции Доносо расценивает как «моральный анахронизм», легко ниспровергнутый благодаря французскому вмешательству [38, р. 67]. Это прямо указывает на осознаваемые антиреволюционные устремления Доносо, которые едва ли совместимы с прогрессистскими идеями, взглядами и ценностями. При

этом, по словам Журавлева, в «Размышлениях» Доносо «требовал *государственной протекции* для церковных институтов единой веры религии» (курсив – Ю.В.) [3, с. 27], то есть того, что станет практическим выводом из многих его выступлений уже традиционалистского этапа.

Подробный анализ «Размышлений» Журавлев завершает следующим выводом: «...ничто из названного не меняло все более прочно утверждавшейся в его (Доносо – Ю.В.) голове *формулы традиционалистской правовой монархо-католической доминанты*, за которой была мысль о синтезе божественного и естественного права при *господствующей роли права божественного*» (курсив – Ю.В.) [3, с. 30]. А последнее уже прямо противоречит любой либерально-консервативной парадигме. Схожие оценки высказывает и Шрамм, когда анализирует поэтическое наследие «противоречивой природы Доносо», утверждая, что сторонник прогресса, вдохновенно настроенный сын XIX в., уже в 1833 г. Доносо демонстрирует склонность своего духа к *сомнениям и пессимизму* [38, р. 74]. Из этого мы, помимо всего прочего, можем сделать вывод о том, что консерватизм как философско-мировоззренческая парадигма был присущ Доносо на протяжении большей части его жизни.

В 1835 г. Доносо пишет небольшую работу «Избирательный закон в его сущности и в связи с духом наших институтов» [13, р. 319-346], в которой подвергает критике народный суверенитет и поддерживает идею правительства во главе с аристократией. «Прямые выборы», согласно Доносо, допустимы лишь в том случае, если голосует исключительно образованный класс, потому что иначе результаты становятся непредвиденными, а политическая власть подвергается воздействию случайных факторов [38, р. 80-81]. Анализируя работу, Шрамм прямо говорит о «субординации Доносо идеям Руайе-Коллара» [38, р. 82], благодаря чему либерально-консервативная идентичность Доносо вновь получает свое подтверждение.

Однако субординация не означает полного соответствия. Неожиданно для немецкого историка Доносо высоко оценивает Великую французскую революцию, указывая на ее значение в деле распространения свобод и утверждения разума, а также подвергает критике Церковь, хотя и говорит о связях между современным движением за свободу и христианством [38, р. 82]. Складывается впечатление, что Доносо вновь вспомнил о своих увлечениях ранней молодости. Дело, однако, было и сложнее, и проще. С одной стороны, описанный факт позволяет утверждать, что становление Доносо как политического идеолога с четкой политико-идеологической парадигмой еще далеко от завершения. С другой стороны, в карьере молодого чиновника намечается новый поворот: Доносо начинает сотрудничать с прогрессистским правительством Х. де Дьоса Альварес де Мендисабала, которое в 1835–1836 гг. жестко противопоставило себя всему тому, что ассоциировалось с наследием Фернандо VII, и прославилось своей политикой дезамортизации церковных земель.

В этом контексте левый уклон в либерально-консервативной политико-идеологической идентичности Доносо получает совсем иное звучание. Однако речь, как представляется, идет лишь о тактических соображениях и исключительно карьерных устремлениях молодого чиновника. Именно с этих позиций, на наш взгляд, и необходимо рассматривать сотрудничество Доносо с Мендисабалем, которое вызывает у многих исследователей (и прежде всего у сторонников традиционалистской интерпретации его идей, взглядов и ценностей) недоумение. Так, Галиндо Эрреро называет этот факт «необъяснимым», поскольку Мендисабаль, хотя и не убивал священников физически, разрушал и секуляризировал их собственность, стремясь убивать их морально [24, р. 6]. В не меньшем затруднении пребывали и современники Доносо, поскольку, по словам Масаиаса Лопес, они видели в Доносо *в конечном счете* умеренного (либерального) *консерватора* [31]. Если же мы проанализируем характер деятельности Доносо в правительстве прогрессистов, то увидим, что он решал задачи исключительно технического характера, которые определялись в первую очередь его семейно-клановыми связями с эстремадурской элитой, и никакого политико-идеологического функционала у него не было [38, р. 78-80]. Соответственно и говорить о сотрудничестве его с Мендисабалем как политико-идеологическом определении смысла не имеет. Нашу версию подтверждают и результаты сотрудничества Доносо с Мендисабалем: к маю 1836 г. Доносо дослужился до должности секретаря Совета министров и президиума Совета министров [3, с. 32]. Более того, в дальнейшем Доносо неоднократно будет оправдываться за свое сотрудничество с прогрессистским правительством Мендисабала [41, р. 208-210].

Таким образом, элементы либерально-консервативной и традиционалистской политических идеологий, столь ярко проявляющиеся в работах Доносо на прогрессистском этапе, подвергают сомнению правомочность использования данного определения применительно к раннему Доносо. Единственным серьезным аргументом в пользу прогрессистской политико-идеологической идентичности раннего Доносо остается его успешное сотрудничество с прогрессистским правительством Мендисабала. Иные аргументы в пользу Доносо-прогрессиста, выстраивающиеся на его юношеских увлечениях, принятыми быть не могут. Мы наблюдаем лишь сумбурное становление неординарного политического философа в условиях крайне противоречивой переходной эпохи. При этом пристальный анализ работ молодого Доносо показывает, что он никогда полностью не укладывался и постоянно выходил за идейно-ценностные рамки политической идеологии прогрессизма.

1836–1847: Доносо – либеральный консерватор. Формально либерально-консервативный этап в жизни Доносо начинается в 1836 г., когда он вступает в партию «модератос», членом которой будет оставаться на протяжении всей своей парламентской деятельности вне зависимости от перипетий трансформирующейся политико-идеологической идентично-

сти. Благо, структура «модератос» как партии позволяла подобные «выражи» без проблем. Единственным серьезным критерием смены этапов в эволюции политико-идеологической идентичности Доносо является то обстоятельство, что после 1836 г. в его идеях, взглядах и ценностях прогрессистских мотивов больше не наблюдалось. Найти иные критерии для разделения идейно-ценностной эволюции Доносо на два этапа, учитывая явные либерально-консервативные мотивы в ряде его ранних работ, а также устойчивое представление современников о нем как представителе «модератос», едва ли возможно. В целом это говорит о преемственности двух этапов или как минимум об очень мягком между ними переходе. Расставшись с Мендисабалем, Доносо продолжил делать то, что он и делал ранее. Одновременно на всем протяжении либерально-консервативного этапа Доносо упорно «набирает очки» в пользу определения его политико-идеологической идентичности как традиционалистской.

Центральной работой Доносо либерально-консервативного этапа являются «Лекции по политическому праву» [15, р. 141-316], прочитанные им в 1836–1837 гг. в мадридском «Атенео», где он был избран секретарем и заведующим кафедрой конституционного права.

Шрамм ставит «Лекции» Доносо выше его «Очерка о католицизме, либерализме и социализме», объясняя это тем, что никогда больше Доносо не формулировал свои политические и юридические государственные концепции столь убедительно и столь систематически [38, р. 88]. На наш взгляд, подобные оценки могут быть справедливы лишь с одной принципиальной оговоркой: «Лекции» имеют как минимум две фундаментальные интерпретации (либерально-консервативную и протрадиционалистскую), о которых мы скажем ниже. Поэтому утверждать что-либо категорично можно лишь применительно к одному – либерально-консервативному этапу в идейно-ценностной эволюции Доносо (как это делает, например, канадский философ В.Х. МакНамара [32]).

Общие концептуальные рамки «Лекций» довольно просты. Доносо вновь занимает уже привычную для него позицию между либерализмом и традиционализмом (аутентично: между «абсолютизмом» как властью, дарованной Богом, и «революцией» как «суверенитетом народа»). Описав политический хаос своего времени, определяемый постреволюционным синдромом, Доносо, следуя логике Р. Декарта, призывает искать крепкие и устойчивые основания для разрешения существующих сомнений и противоречий. Подобным основанием, по его мнению, может стать только «разум» (либеральный компонент), поскольку только он способен реализовать «принцип социальной гармонии» и ограничить свободу как «антисоциальный разрушительный принцип» (традиционалистский компонент). Правительство в этом контексте должно защищать общество от разрушительной силы свободы (традиционалистский компонент), но опираться в этом процессе исключительно на право (либеральный компонент). В наибольшей степени поставленную задачу (достижение «подлинного гар-

моничного равновесия») способно, по мнению Доносо, решить «представительное правительство», являющееся венцом всей политической истории человечества. Поскольку только оно способно уважать «человеческую индивидуальность» (либеральный компонент), сохраняя одновременно в целостности «общественные узы» (традиционалистский компонент). При этом в задачи «представительного правительства» не входит «открывать новые принципы» и «новые социальные элементы». Оно должно лишь объединять уже все имеющиеся, но находящиеся в состоянии хаоса, ограничивая потенциальные крайности и злоупотребления с их стороны. Возможности «представительного правительства» определяются его способностью существовать в окружении «деспотизма» (праворадикальный уклон, олицетворяемый карлистами) и «демагогии» (леворадикальный уклон, олицетворяемый революционерами). Отсюда и значение «революции» и «диктатуры» как «относительных потребностей политической жизни». В заключении Доносо вновь возвращается к концепции «разума», утверждая его ограничения вне связи с верой; за данным тезисом скрывался его явный призыв крепить связи между «представительным правительством» и Католической церковью, что может быть расценено и как публичная декларация его идейно-ценностных расхождений с прогрессистским правительством Мендисабала.

Либерально-консервативная интерпретация «Лекций» в силу своей очевидности имеет массу сторонников, единых во мнении о непреходящем их значении. В этой связи достаточной будет оценка Гонсалеса Куэвас, который, повторяя концептуализацию Шрамма, выражающего средневзвешенную позицию академического «мэйнстрима», называет «Лекции» *подлинным катехизисом* испанского доктринального либерализма [27, р. 98], создавая который Доносо имел определенную (либерально-консервативную) политико-идеологическую идентичность, располагающуюся между традиционализмом и либерализмом, поскольку, согласно Шрамму, он не был ни революционером, ни реакционером; ни сторонником абсолютизма, ни сторонником народного суверенитета; ни *карлистом*, ни *либералом-экстремистом* [38, р. 94].

Протрадиционалистская интерпретация «Лекций» выстраивается на понятии «диктатура», которое ее сторонникам кажется более значимым для понимания сущности идей, взглядов и ценностей Доносо, нежели «разум». Опираясь на «диктатуру», которую Доносо в отличие от большинства либеральных консерваторов произносить никогда не стеснялся, современные испанские историки А. Элорса и К. Лопес Алонсо смогли разглядеть в нем некоторые *авторитарные* черты, которые будут характеризовать его последующую продукцию [19, р. 47]. Отсюда и серьезные сомнения, которые Элорса и Лопес Алонсо испытывают в отношении «чистоты» использования такого важного для либерально-консервативной политической идеологии понятия, как «свобода». В «Лекциях», считают они, можно найти противопоставление, которое Доносо в дальнейшем бу-

дет развивать, между *свободой* и *обществом*, понимая первую как *коррозирующего* и *разрушительного* агента второй [19, р. 47]. «Свобода», утверждают сторонники протрадиционалистской интерпретации, несет с собой у Доносо «разногласие и сражение» [3, с. 34], то есть используется с негативными коннотациями, что для либерала в целом недопустимо. В связи с этим появляется и совершенно иной контекст для обоснования диктатуры. Если в либерально-консервативной интерпретации Гонсалеса Куэвас диктатор выступает в исключительных обстоятельствах как защитник против деспотизма правых радикалов и революции левых, то в протрадиционалистской (у Элорсы и Лопес Алонсо) речь идет прежде всего о сущности власти как таковой, которая, как они понимают мысль Доносо, должна быть единой и сильной, без ограничений, поскольку *ограничить ее – значит разрушить* [19, р. 47].

В пользу протрадиционалистской интерпретации «Лекций» можно также привести мнение основоположника испанской консервативной партии классического периода А. Кановаса дель Кастильо. Предлагая собственную интерпретацию «Лекций», Кановас увидел и в них, и в «Очерке о католицизме, либерализме и социализме» общее содержание, связанное с постоянно присущим Доносо недоверием к воле. Он и раньше (в «Лекциях» – Ю.В.), и впоследствии (в «Очерке» – Ю.В.) *равно осуждал свободное действие воли* «как в индивидууме, так и в нации» [3, с. 35; 38, р. 92]. Данная оценка не совсем верна в том смысле, что свободная воля, дарованная человеку изначально Богом, в «Очерке» является одним из центральных понятий. Тем не менее она важна, поскольку связывает два этапа (либерально-консервативный и традиционалистский) в эволюции идей, взглядов и ценностей Доносо воедино и демонстрирует условность их жесткого разграничения, причем в пользу традиционалистского.

Именно на этапе «Лекций», вторит Кановасу Журавлев, «эволюция воззрений Доносо Кортеса выглядела как *неуклонное вызревание* католической доктрины социальной жизни, управления ею и сообразной ей философии истории» (курсив – Ю.В.) [3, с. 35]. Тем более что к концу «Лекций» Доносо – в духе традиционалистов начала XIX в. – обрушивается с серьезной критикой на «демагогов» XVIII в. (французских просветителей), центральное понятие которых – разум, *«не подтираемый верой..»,* теряет силы и *умирает* как одинокий бог без собственных корней» (курсив – Ю.В.) [3, с. 35]. Подпорка разума верой указывает и на обращение Доносо к схоластической философии Ф. Аквинского, лежащей в основе современного католицизма, а также на сходство Доносо с выдающимся испанским схоластом-иезуитом конца XVI – начала XVII в. Ф. Суаресом.

Собственные суждения о «Лекциях по политическому праву» высказывали и прогрессисты. Значимой в контексте нашего исследования оказалась весьма резкая по своему характеру дискуссия, развернувшаяся между Доносо и журналистом М.Б. Гальярдо, которую Шрамм представляет в своей работе первоначально как дискуссию о «стиле Доносо». Гальяр-

до, назвав стиль Доносо не только «офранцузенным» (намек на влияние французских либеральных консерваторов), но и «апокалиптическим», разглядел в его идеях, взглядах и ценностях несколько более глубокое содержание, нежели сторонники либерально-консервативной интерпретации. В то время как даже Менендес-и-Пелайо сосредоточивается на излишнем, как ему кажется, заимствовании французских слов и выражений, Гальярдо увидел в Доносо носителя философско-мировоззренческой парадигмы консерватизма с явным уклоном в традиционализм. В итоге Шрамму остается лишь констатировать традиционалистский алармизм Доносо. Что касается «апокалиптического», то это в любом случае не столько стиль, сколько *образ мысли* Доносо, то есть способность доводить до последних пределов *разрушительные эффекты* от реализации ложных идей или деятельности несовершенных институтов до *полного разрушения* государства или нации [38, р. 96-97].

В течение последующего десятилетия вплоть до революции 1848–1849 гг. склонность Доносо к традиционалистским идеям, взглядам и ценностям, пережив несколько в конечном итоге несущественных отклонений, будет только усиливаться. Мы отметим лишь наиболее значимые вехи этого процесса. Так, обсуждая проект Конституции 1837 г. [18, р. 149-196], Доносо, как пишет Шрамм, демонстрирует в своей деятельности тенденцию как раз *все более консервативную* [38, р. 104]. Хотя, не спешит делать выводы Шрамм, политико-идеологическая идентичность Доносо по-прежнему располагается посередине *между* противоположными тенденциями власти по милости Божьей (*абсолютизмом*) и народным суверенитетом (*революцией*) [38, р. 146]. Определенным рубежом, по мнению Шрамма, становятся две статьи Доносо об абсолютной монархии в Испании, опубликованные им в 1838 г. в «Мадридском журнале» («*Revista de Madrid*») [14, р. 465-542]. При всей кажущейся историчности их содержания в сфере собственно политической, утверждает Шрамм, статьи об абсолютной монархии представляют собой уже *серьезное отдаление от политического либерализма*, от теорий французских доктринеров [38, р. 117]. В философско-политических работах Доносо постепенно набирает силу апологетика христианства [6, р. 619-668] и происходит «разрыв с рационалистической философией», жесточайшей критике начинает подвергаться Великая французская революция как кровавый комментарий и провиденциальное завершение эмансипации человеческого разума [38, р. 116-117].

К концу 1830-х гг., вопреки своей давней дружбе с Пачеко, Доносо обрушивается на левую фракцию «модератос», обвиняя ее в «кровавой демагогии» и склонности к «абсолютной реформе» [38, р. 113-114]. Доносо осуждает эксцессы демократической системы, безответственность демагогии; требует усиления монархии, ограничения парламентаризма, серьезных полномочий государства на *консервативной основе* [38, р. 119]. В его парламентских речах возникает тема диктатора, который должен защитить закон [38, р. 120]. В данном контексте серьезные аргументы при-

обретают сторонники протрадиционалистской интерпретации «Лекций о политическом праве».

Как пишет Олабаррия Агра, прежде чем ненадолго примириться с либерализмом, находясь в 1842 г. в Париже и встречаясь с Бональдом и Ж. де Мэстром, Доносо пишет в газету «Герольд» («El Herald») серию философско-политических писем, в которых, в частности, заявляет, что человеческий *разум* является наибольшим из всех *несчастий* человека. *Без веры* я не знаю, что есть истина, и понимаю лишь скептицизм [7, р. 89]. Затем он подвергает критике Ф. Гизо и всю эклектическую философию французских доктринеров, включая П.П. Руайе-Коллара, В. Кузена и других [7, р. 129-160], апологетом которой, как считают сторонники либерально-консервативной интерпретации его идей, взглядов и ценностей, он являлся на этапе «Лекций по политическому праву». Свои оценки Доносо завершает следующим образом. По его мнению, Гизо является человеком сущностно негативным. Таков он в теории, негативен он и на практике. Будучи человеком *негативным*, Гизо является человеком *стерильным*, потому что Бог обрекает на стерильность тех, кто его отрицает [7, р. 156-157]. Происходит это потому, что, как считает в частности Шрам, на Доносо сильно влияли в тот момент французские *традиционалисты*, которые его занимали уже во время *лекций в Атенео* [38, р. 132].

В 1847 г. Доносо публикует в газете «Маяк» («El Faro») ряд статей, посвященных деятельности Пия IX [17, р. 21-63]. Их первоначальный посыл, который можно рассматривать как культурно-цивилизационный уровень политико-идеологической парадигмы Доносо, действительно является традиционалистским. Ни одна из *фундаментальных* и *образующих современную цивилизацию* идей, по мнению Доносо, не имеет философского происхождения. Все они происходят из *христианской религии* [17, р. 28]. Таковыми же являются идеи Великой французской революции: идея братства, из нее вытекает идея равенства, а из обеих – идея демократии. Поскольку любая власть проистекает от Бога, то и «католический критерий» оказывается основополагающим. Разделив свободу на «подлинную» (производную от любви, являющуюся источником мира и не преследующую никаких собственных целей) и «революционную» (производную от ненависти, являющуюся источником разногласий и имеющую своей целью захват власти), Доносо объявляет последнюю разновидностью язычества.

На политико-институциональном уровне картина складывается следующим образом. С одной стороны, реформы Пия IX воплощают в себе «католический критерий» и как таковые подвергнуты критике быть не могут. С другой стороны, те препятствия, на которые они натолкнулись, были порождены в первую очередь самими католиками. Доносо объясняет, что тесный союз Алтаря и Трона был заклеен революционерами как абсолютистский и ретроградный. Часть католического духовенства, представителем которой и был Пий IX, не смогла противостоять данным наветам и дрогнула. В итоге, пойдя на уступки политико-идеологическим противни-

кам, Пий IX существенно ослабил свою главную опору – союз Церкви с и без того шатающимися монархиями. На этом фоне рост революционного движения и внешнеполитические противоречия между Папским престолом и европейскими монархиями (прежде всего споры с Австро-Венгрией вокруг итальянских территорий) выглядят уже как проблемы второго плана. Хотя неблагоприятная роль во всем этом заинтересованной в противоречиях на континенте Великобритании и проявившей к судьбе Папы равнодушие Франции должна быть отмечена особо [17, р. 21-63].

Последний тезис Доносо сформулирован с традиционалистских позиций в логике двух моделей развития политических идеологий в рамках евро-христианской цивилизации: критический настрой в адрес либерально-буржуазных государств говорит сам за себя. Также мы видим традиционалистский дискурсивный вектор Доносо – «снизу вверх». Шрамм, написав, что в статьях о Пие IX Доносо не является ни *карлистом*, ни *слепым монархистом*, ни *революционером-демократом* [38, р. 158], только запутывает дело, так как в самой работе аргументов в пользу либерально-консервативной политико-идеологической идентичности Доносо (на что Шрамм и намекает), на наш взгляд, не имеется. Тем более что последующий комментарий Шрамма с подчеркиванием таких выражений Доносо, как «человеческая свобода – это божественное право», «Бог поставил под свою священную защиту легитимные власти», «где нет католицизма, там есть варварство», только подтверждает наш вывод. Следующий же за ним анализ «Академической речи о Библии» (16 апреля 1848 г.) [1, с. 464-486; 10, р. 65-97], относимой Шраммом (он оценил ее исключительно стилистические особенности) еще к либерально-консервативному этапу [38, р. 160-164], лишь усугубляет дело. Уже к 1847 г. крен Доносо в традиционализм становится очевидным.

Между тем очень серьезные аргументы в пользу либерально-консервативной политико-идеологической идентичности Доносо, сохраняющейся у него вплоть до революции 1848-1849 гг., связаны с его речью по проблемам внешней политики, произнесенной в Кортесах 4 марта 1847 г. [9, р. 291-317]. Значение данной речи определяется не столько тематикой выступления, сколько последовавшей на нее реакцией со стороны парадигмальных фигур «модератос», что позволяет проанализировать идеи, взгляды и ценности Доносо на предмет имеющейся у него политико-идеологической идентичности на данном этапе. Одновременно появляется возможность скорректировать излишне категоричные, на наш взгляд, суждения Пономаревой о том, что «этот отдаленный потомок Эрнана Кортеса *фактически обошел молчанием* даже свершившийся при его жизни отпад Испанской Америки ... Доносо ... как бы сознательно *избегал проблем* недавно свершившегося распада испанской колониальной империи» (курсив – Ю.В.) [4, с. 15-17].

В своей речи Доносо говорит о двух направлениях испанской внешней политики: африканском и португальском; атлантический вектор его

интересует лишь в туманной исторической перспективе. Но первый же тезис Доносо: внешняя политика Испании должна быть активизирована. Доносо хочет уподобить Испанию таким великим державам, как Великобритания, Россия и постепенно возвышающиеся США. Они представляются Доносо не только самостоятельными в выработке своих внешнеполитических приоритетов, но и успешно справляющимися с внутренним революционным движением. Последний консервативный компонент его речи мгновенно смягчается либеральным призывом опираться на Великобританию и Францию; причем на данный момент он не видит между ними принципиальных различий, что говорит об общем политико-идеологическом характере его выступления. Испанские либеральные консерваторы (в том числе и «модерадос») традиционно и очень неопределенно разделялись на франкофилов и англофилов без всякой последовательности в этом вопросе, все зависело от специфики текущего момента. Вместе с тем апелляция к британо-французскому опыту как положительному – неотъемлемая черта периферийной модели развития политических идеологий в рамках еврохристианской цивилизации, характерная в том числе и для испанцев. Другое дело, если великие державы начнут препятствовать утверждению испанского влияния в Северной Африке (Франция) и Португалии (Великобритания). Здесь Доносо призывает строить флот и укреплять военноморское могущество Испании, однако воздерживается от прямых угроз в чей-либо адрес, на что так легко всегда шли традиционалисты. Примечательно, что с репликой от «модерадос» выступает Мартинес, полностью поддержавший тезисы Доносо [38, р. 155].

В итоге мы видим, что «модерадос» вовсе не отказались от имперской политики как таковой; они, скорее, постарались поменять ее модус, напрямую связав внешнюю политику с внутренними возможностями страны, придав средневековому (и в этом смысле традиционалистскому) испанскому империализму более реалистические черты. Данный подход, подхваченный в дальнейшем империалистами из «Либерального Союза», унаследовавшими свои идеи, взгляды и ценности непосредственно от левой фракции «модерадос», воплощенный наиболее удачно во внешней политике Кановаса, станет для Испании основополагающим вплоть до катастрофы 1898 г. Доносо стоял у истоков этого подхода и может считаться одним из его авторов. Принципиальный порок данного подхода (невозможность обеспечить имперский континуитет в условиях переходного периода) выявлялся по мере того, как Испания теряла свои заморские колонии, оказавшись неспособной адаптироваться к условиям Нового порядка. И в этом смысле суждения Пономаревой, несомненно, весьма релевантны. Однако во всей полноте имперские проблемы высветились уже после смерти Доносо и относятся к другой исторической эпохе.

* * *

Подводя итог либерально-консервативному этапу в развитии идей, взглядов и ценностей Доносо, можно констатировать следующее. С одной

стороны, политико-идеологическая парадигма Доносо в 1836–1848 гг. во многих своих моментах соответствовала политико-идеологическим парадигмам испанских либеральных консерваторов, с другой, – выглядела на их фоне весьма специфической. Данное обстоятельство было связано с тем, что Доносо был вынужден выступать в двух все менее для него совместимых качествах – как практикующий политик, представляющий либерально-консервативных «модераторов», и как политический идеолог, эволюционирующий в направлении традиционализма. Отсюда и противоречия в политико-идеологической парадигме Доносо, главное из которых, на наш взгляд, связано с неопределенностью его «дискурсивного вектора». Если в «Лекциях по политическому праву» (как точке отсчета для либерально-консервативного этапа) дискурсивный вектор однозначно располагается «сверху вниз» (от монархии как либерально-буржуазного политического института к христианству как культурно-цивилизационному фундаменту западной цивилизации), то в статьях о Пие IX (завершение либерально-консервативного этапа) Доносо уже использует вектор, скорее, обратный – «снизу вверх» (что и обусловило, надо полагать, его критические высказывания в адрес либерально-буржуазных монархий Европы).

Если говорить о «константах» политико-идеологической парадигмы Доносо, то они столь же неустойчивы, как и в целом для либеральных консерваторов. На культурно-цивилизационном уровне это прежде всего все более расширяющаяся трактовка *религии (католицизма)* и незначительные элементы *империализма*. Проблемы национализма, вопреки заверениям Ф. Гутиерреса Ласанта [28], Доносо не поднимает. На политико-институциональном уровне: *монархия*, постепенно превращающаяся из либерально-буржуазной в умеренно-клерикальную; и *буржуазная демократия*, также мутирующая из умеренно-либеральной (в широкой интерпретации «модераторов») в собственную противоположность, но пока конкретно не оформившуюся (в перспективе – в клерикальную диктатуру).

Переход Доносо от либерально-консервативного этапа к традиционалистскому был связан с полным его отказом от либерально-консервативных идей, взглядов и ценностей: так же, как это было и в предыдущем случае (полный отказ от прогрессистских). Однако на этот раз переход оказался более жестким, поскольку в политико-идеологическом плане различия между прогрессистским и либерально-консервативным этапами могут считаться незначительными; в то время как различия между либерально-консервативным и традиционалистским этапами – принципиальные и разительные.

Особое значение в интерпретации идей, взглядов и ценностей Доносо на либерально-консервативном этапе имеют суждения тех исследователей, которые к либерально-консервативному определению политико-идеологической идентичности Доносо изначально относятся весьма скептически (прежде всего Менендес-и-Пелайо и Шрамм); поскольку – в отличие от большинства исследователей – не следуют за самоназванием.

Шрамм, в частности, в качестве аргумента приводит суждение Доносо о том, что он *всегда был* верующим в глубине своей души, но вера эта была *стерильной*, поскольку она не управляла его *мыслями*, не вдохновляла речи, не направляла *действия* [38, р. 193]. Поэтому, по мнению Шрамма, Доносо, будучи выходцем из традиционно очень католической семьи, *быстро пережил* влияние модных идей Просвещения, сенсуализма и других философских направлений, а хотя и был когда-то противником Церкви, то только той ее части, которая защищала абсолютизм. Если говорить о его молодости, уточняет Шрамм, то Доносо, естественно, был в числе тех, кто сражался с *абсолютизмом* и защищал *«свободу»*, то есть *конституционное государство*. Но именно это и предполагало *отказ* от его личных («фундаментально христианских») убеждений [38, р. 193-194].

Отмеченные нами колебания в оценках Шрамма связаны, на наш взгляд, с тем, что немецкий историк в консервативных идеях, взглядах и ценностях Доносо не различает до конца два уровня, тесно переплетающиеся между собой: либерально-консервативную политико-идеологическую парадигму, значимые элементы которой явно присутствуют во всех идеях, взглядах и ценностях Доносо вплоть до 1848 г., и традиционалистскую философско-мировоззренческую парадигму (лежащую в основании первой), которая, как можно утверждать, была характерна для Доносо за крайне редким исключением на всем протяжении его жизни. Отсюда вытекает основное противоречие как в самих идеях, взглядах и ценностях Доносо на прогрессистском и либерально-консервативном этапах их эволюции, так и в их интерпретациях. Доносо упорно пытается привести обе парадигмы в полное соответствие, однако в силу тех или иных обстоятельств склоняется то в одну, то в другую сторону, что в конечном итоге и делает его одним из выдающихся практикующих политиков своего времени. Будучи изначально носителем традиционалистских идей, взглядов и ценностей, Доносо, оказавшись в первых рядах партии «модератос», в которой либерально-консервативное крыло являлось однозначно ведущим и доминирующим, был вынужден на какое-то время не только использовать ее политико-идеологическую риторику, но и всячески содействовать ее совершенствованию. Однако «откуда уши растут» скрыть он так и не смог (отсюда и протрадиционалистская интерпретация «Лекций по политическому праву»). Между 1842 и 1848 гг., как подтверждает нашу позицию Шрамм, в суждениях Доносо наблюдаются сильные колебания. Он *отходит* от либерализма французских доктринеров, но *продолжает принадлежать* к партии «модератос», которая стремилась осуществить на практике то, на чем французские доктринеры настаивали в теории [38, р. 196].

Таким образом, Доносо на всем протяжении своего либерально-консервативного этапа, как говорит Шрамм, прощается с рационализмом и философией, превозносит влияние Церкви и христианства на культуру, защищает свободу, независимость и достоинство Церкви, что делает его каждый раз *все более консервативные тенденции* очевидными [38, р. 196]. В итоге мы можем говорить не только о протрадиционалистских тенден-

циях в развитии идей, взглядов и ценностей Доносо-либерального консерватора, но и о традиционалистской их сущности вообще, затемняемой относительно плотной риторикой либерального консерватизма. Шрамм нам в этом активно помогает, утверждая, что только решительное и полное погружение в католицизм *сделало* из Доносо то, чем Доносо *был* [38, p. 196].

Так или иначе, назревание революционной ситуации к 1848 г. снимает в отношении Доносо последние сомнения. И если протрадиционалистские интерпретации либерально-консервативного этапа идейно-ценностной эволюции Доносо звучат достаточно громко, но в чем-то могут быть и оспорены, то либерально-консервативные интерпретации традиционалистского этапа отсутствуют в принципе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Доносо Кортес Х.* Академическая речь о Библии // Х. Доносо Кортес. Сочинения. СПб.: Владимир Даль, 2006. 627 с.
2. *Доносо Кортес Х.* Очерк о католицизме, либерализме и социализме // Х. Доносо Кортес. Сочинения. СПб.: Владимир Даль, 2006. 627 с.
3. *Журавлев О.В.* Хуан Доносо Кортес – апостол традиционализма // Х. Доносо Кортес. Сочинения. СПб.: Владимир Даль, 2006. 627 с.
4. *Пономарева Л.В.* Испанский католицизм XX в. М.: Наука, 1989. 284 с.
5. *Шмитт К.* Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы. СПб.: Наука, 2005. 328 с.
6. *Donoso Cortés J.* Antecedentes para la inteligencia de la cuestión de Oriente // Obras de Juan Donoso Cortés, marqués de Valdegamas. Madrid: Casa editorial de San Francisco de Sales, 1904. Vol. 3. 742 p.
7. *Donoso Cortés J.* Cartas de París al «Heraldo» en 1842 // Obras de Juan Donoso Cortés, marqués de Valdegamas. Madrid: Casa editorial de San Francisco de Sales, 1904. Vol. 4. 710 p.
8. *Donoso Cortés J.* Consideraciones sobre la diplomacia, y su influencia en el estado político y social de Europa, desde la revolución de Julio hasta el tratado de la cuádruple alianza // Obras de Juan Donoso Cortés, marqués de Valdegamas. Madrid: Casa editorial de San Francisco de Sales, 1904. Vol. 3. 742 p.
9. *Donoso Cortés J.* Discurso a cerca de las relaciones de España con otras potencias, pronunciado en el Congreso de los Diputados el 4 de Noviembre de 1847 // Obras de Juan Donoso Cortés, marqués de Valdegamas. Madrid: Casa editorial de San Francisco de Sales, 1904. Vol. 4. 710 p.
10. *Donoso Cortés J.* Discurso académico sobre Biblia // Obras de Juan Donoso Cortés, marqués de Valdegamas. Madrid: Casa editorial de San Francisco de Sales, 1904. Vol. 3. 404 p.
11. *Donoso Cortés J.* Discurso de apertura del Colegio de Humanidades de Caceres en Octubre de 1829 // Obras de Juan Donoso Cortés, marqués de Valdegamas. Madrid: Casa editorial de San Francisco de Sales, 1904. Vol. 3. 742 p.
12. *Donoso Cortés J.* Ensayo sobre el catolicismo, el liberalismo y el socialismo. Madrid: Editorial Biblioteca Nueva. S.L., 2007. 255 p.
13. *Donoso Cortés J.* La ley electoral considerada en su base y en su relación con el espíritu de nuestras instituciones // Obras de Juan Donoso Cortés, marqués de Valdegamas. Madrid: Casa editorial de San Francisco de Sales, 1904. Vol. 3. 742 p.
14. *Donoso Cortés J.* La Monarquía absoluta en España // Obras de Juan Donoso Cortés, marqués de Valdegamas. Madrid: Casa editorial de San Francisco de Sales, 1904. Vol. III. 742 p.
15. *Donoso Cortés J.* Lecciones de Derecho político, pronunciadas en el Ateneo de Madrid // Obras de Juan Donoso Cortés, marqués de Valdegamas. Madrid: Casa editorial de San Francisco de Sales, 1904. Vol. 3. 742 p.

16. *Donoso Cortés J.* Memoria sobre la situación actual de la Monarquía // Obras de Juan Donoso Cortés, marqués de Valdegamas. Madrid: Casa editorial de San Francisco de Sales, 1904. Vol. 3. 742 p.
17. *Donoso Cortés J.* Pío IX. Artículos publicados en «El Faro» en 1847 // Obras de Juan Donoso Cortés, marqués de Valdegamas. Madrid: Casa editorial de San Francisco de Sales, 1904. Vol. 2. 404 p.
18. *Donoso Cortés J.* Principios constitucionales aplicados al proyecto de ley fundamental presentado á las Cortes por la Comisión nombrada al efecto // Obras de Juan Donoso Cortés, marqués de Valdegamas. Madrid: Casa editorial de San Francisco de Sales, 1904. Vol. 3. 742 p.
19. *Elorza A., López Alonso C.* Arcaísmo y Modernidad. Pensamiento político en España, siglos XIX-XX. Madrid: Historia 16, 1989. 253 p.
20. *Fernández-Carvajal R.* El pensamiento español en el siglo XIX. Murcia: Nausicaá edición electrónica, S.L., 2003. 295 p.
21. *Fernández-Carvajal R.* Las constantes de Donoso Cortés // Revista de Estudios Políticos, 1957. № 95. 240 p.
22. *Fraga Iribarne M.* El pensamiento conservador español. Barcelona: Editorial Planeta, S.A., 1981. 464 p.
23. *Galindo Herrero S.* Breve Historia del Tradicionalismo Español. Madrid: Publicaciones españolas, 1956. 256 p.
24. *Galindo Herrero S.* Donoso Cortés. Madrid: Publicaciones españolas, 1956. 32 p.
25. *Galindo Herrero S.* Donoso Cortés y su teoría política. Badajoz: Imprenta de la Excma. Diputación Provincial de Badajoz, 1957. 368 p.
26. *González Cuevas P.C.* Conservadurismo heterodoxo. Tres vías ante las derechas españolas: Maurice Barrès, José Ortega y Gasset y Gonzalo Fernández de la Mora. Madrid: Editorial Biblioteca Nueva, S.L., 2009. 228 p.
27. *González Cuevas P.C.* Historia de las derechas españolas. De la Ilustración a nuestros días. Madrid: Editorial Biblioteca Nueva, S.L., 2000. 525 p.
28. *Gutiérrez Lasanta F., pbro.* Donoso Cortés. El Profeta de la Hispanidad. Logroño: Imprenta Torroba, 1953–1954. 297 p.
29. Juan Donoso Cortés, 1809–1853. Desde 1846 primer Marqués de Valdegamas. URL: <http://www.filosofia.org/ave/001/a336.htm> (проверено 12.05.2012 г.).
30. *Macías López J.* Balmes y Donoso Cortés ante la política española en el siglo XIX // El Catoblepas, revista crítica del presente. 2010. № 105. P. 14. URL: <http://www.nodulo.org/ec/2010/n105p14.htm> (проверено 10.03.2012 г.).
31. *Macías López J.* Juan Donoso Cortés, marqués de Valdegamas, 1809–1853 // El Catoblepas, revista crítica del presente. 2009. № 92. P. 11. URL: <http://www.nodulo.org/ec/2009/n092p11.htm> (проверено 10.03.2012 г.).
32. *McNamara V.J.* Juan Donoso Cortés: un doctrinario liberal // Revista de Filosofía de la Universidad de Costa Rica, 1992. № 30(72). P. 209-216.
33. *Novella Suárez J.* La aventura de España // R. Fernández-Carvajal. El pensamiento español en el siglo XIX. Murcia: Nausicaá edición electrónica, S.L., 2003. 295 p.
34. *Pasamar Alzuria G., Peiró Martín I.* Historiadores españoles contemporáneos (1840–1980). Madrid: Ediciones Akal, S.A., 2002. 699 p.
35. *Schmitt C.* Donoso Cortés in gesamteuropäischer Interpretation. Köln: Greven Verlag, 1950. 114 s.
36. *Schmitt C.* Interpretación europea de Donoso Cortés. Madrid: Editorial Rialp, 1952. 145 p.
37. *Schramm E.* Donoso Cortés, ejemplo del pensamiento de la tradición. Madrid: Ateneo, 1952. 41 p.
38. *Schramm E.* Donoso Cortés. Su vida y su pensamiento. Madrid: Espasa-Calpe, S.A., 1936. 348 p.
39. *Sosa L. de.* Don Francisco Martínez de la Rosa, político y poeta. Madrid: Espasa-Calpe, 1930. 255 p.
40. *Suárez Verdeguer F.* Introducción a Donoso Cortés. Madrid: Ediciones Rialp, S.A., 1964. 277 p.

41. *Suárez Verdeguer F.* Vida y obra de Juan Donoso Cortés. Pamplona: Ediciones Eunat, 1997. 1088 p.

Материал предоставлен в редколлегию 03.09.2012 г.

EARLY J. DONOSO CORTES (1820–1848): MAKING A TRADITIONALIST

Yuri V. Vasilenko, Candidate of Philosophy, senior researcher, Perm Division, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences. Perm.
E-mail: yuvasil@yandex.ru

Abstract: the article analyzes two periods in the evolution of ideas and values of the outstanding Spanish traditionalist Donoso Cortés: the progressist (1820-1836) and the liberal-conservative (1836-1848) ones. Being guided by the methodological lines of the Spanish historian-traditionalist M. Menéndez-y-Pelayo and the German historian-positivist E. Schramm, the author offers some arguments in honor of Donoso's traditionalist interpretation of political-ideological identity as the basis for the analysis of his ideas, views and values in the early (pre-traditionalist) years. In order to achieve the aim, the author divides between the Donoso's traditionalist philosophical world-view and the Donoso's progressist and liberal-conservative political-ideological rhetoric. In the author's opinion, the former is the basis for the latter. By interpreting early Donoso as traditionalist, the author is being able to demonstrate the complex and contradictory character of Spanish traditionalists' search for ideology and values in the conditions of the coming New – liberal and bourgeois – Order.

Keywords: Donoso Cortés, political-ideological identity, political ideology, progressivism, liberal conservatism, traditionalism, Spain